Роберта Эйслера, что славянское выражение «древяные щепольки» могло произойти от неверно прочтенной, ошибочной генетивной формы выражения καρποὶ ξυλίνοι. Это объяснение Эйслера он считает полностью несостоятельным с палеографической точки зрения: «impossibilité paléographique absolue» — и вообще заявляет, что Эйслер объясняет спорное место столь же находчиво, сколь и неубедительно («d'une manière aussi ingénieuse qu'improbable»).[26] Согласно убедительному объяснению Грегуара, выражение «древяные щепольки» в древнерусском переводе является лишь не совсем ясным переводом греческого ἀκρόδρυα или ἀκρίσματα, и единственно в смысле плоды: или плоды с грубой оболочкой, или вообще дикие плоды. Итак, вопрос следует считать решенным.

К спорному месту древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» необходимо добавить одну важную параллель из средневековой болгарской литературы. Так, в похвале патриарху Евфимию Тырновскому Григорий Цамблак[27] сообщает о его молодости следующее: «высокое бо и истинное любомудрие[28] иночьское глаголя житие избрав, с Илиею и Иоанном пустыня въжделе и к той беше весь въперень и яже от нея приобретели похвалеаше. Та бо Илию враном питати ся пръвее устроивши, также и бога видети в тенце хладе исходатаи, и облаком обычное дъжда словом простити слоужение, Иоанна же, врътшием дубным въспитавши, болша в рождении жень сведетельствовати ся управи. . .». Предложенный перевод этого места в смысле «Иоанн, напитавшись дубовыми верхушками»,[29] по-видимому, буквален и в то же время бессмыслен по существу, ибо, надо здесь повторить, никто не смог бы питаться «дубовыми верхушками». Как я недавно указывал,[30] в этом месте слова «врътшие дубные» следует объяснять единственно в смысле плоды в скорлупе или вообще дикие плоды. Очевидно, что указанное место в сочинении древнеболгарского писателя является полной параллелью известному месту из Иосифа Флавия. Разумеется, трудно решить сразу, заимствовано ли это из его текста или у какого-нибудь другого византийского писателя. Существенно в данном случае то, что Григорий Цамблак знал Иосифа Флавия, о чем есть указание в той же похвале патриарху Евфимию Тырновскому. Несколько далее он указывает его имя и воздает ему хвалу:[31] «Кто бо видель би, рьци ми, толико испытно преязыкствовань и тлъковань еврейскы языкъ на нашь, и завет и пророкы, якоже ныне, мужем, ведетелемь закона оскудевшимь, ово убо уроком житиа, ово же и чястыми плененми и заваленми, усретшими языкь инь и паче же по кръсте (т. е. после начала нашей эры, или после Христа, — *И. Д.*), егда и конець прияша яже разорениа и опустениа и храму и жителству — разориши бо их, рече Давидь, и не съзиждеши ихь,[32] — якоже плакует иже тех беды по тънку списуя Иосипп? Аще убо онь тако чудим и похвалеемь есть, своего великомудриа въспоминание оставль, таже еллинь сыи мужь и вънe закона и пророкъ, не много ли и паче нашь отьць (Евфимий Тырновский !) съпротяжущее ся летом стяжит

---

[26] H. Grégoire. Les sauterelles de Saint Jean-Baptiste, 123 и сл.

[27] E. Kałużniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven. Wien, 1901, 1901, стр. 30—31, гл. 2.

[28] Здесь любомудрие — φιλοσοφία — в смысле монашеской жизни и поведения. Об этом значении термина см. подробно: F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, стр. 197—208.

[29] В. Сл. Киселков. Митрополит Григорий Цамблак. София, 1943, стр. 33—34.

[30] Ив. Дуйчев. Едно неясно място от Цамблаковата възхвала за Евтимий. — Български език, (1954), IV. 2, стр. 171, 172.

[31] E. Kałużniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, стр. 49, 29—43, 13.

[32] Псалмы, XXVIII, 5.